

A romantic couple in a dark setting. The man is leaning in to kiss the woman's neck. She is wearing a black lace top and a watch. The background shows a city skyline at night. The title 'Сладкая Боль' is overlaid on the image.

Сладкая *Боль*

ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ

18+

Джон Запретный

Сладкая боль

<https://litres.ru/74626254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вероника полтора года живёт в тишине. Работа, остывший чай, кольцо, которое она не снимает. Однажды на пороге появляется Дима, старший брат её погибшего мужа. Он приносит ключи, документы и слишком много вопросов без ответов. Чем ближе она его подпускает, тем яснее понимает: Дима знал о ней всё задолго до встречи. Он платил долги брата, решал его проблемы, следил за ней. Теперь опасность, от которой он её прятал, добирается до её двери. Дима предлагает защиту. У неё одна цена: жить в его доме, дышать его правилами, принимать его руки. Между ними тень мёртвого мужа, вина, страсть и правда, которая ломает сильнее измены. Это не история про спасение. Это история про выбор: уйти или остаться с тем, кто делает больно так, что забываешь дышать.

При подготовке текста использовалась нейросеть DeepSeek.

Содержание

Тишина после	4
Чужие ключи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джон Запретный

Сладкая боль

Тишина после

Ноябрь в этом городе всегда пахнет мокрым асфальтом и чужим табаком. Вероника стоит у окна и смотрит вниз, на пятый этаж, где под фонарями медленно тянется пробка. Снег идёт второй день, серый, тяжёлый, он не ложится, а таёт на лету, оставляя на машинах грязные разводы. Дворники работают с перебоями, свет в окнах напротив горит вполсилы, кто-то на четвёртом этаже до сих пор не снял жёлтую лампу с прошлой зимы. Вероника знает этот дом до трещин. Она живёт здесь шесть лет, четыре из них с Артёмом, полтора одна.

Полтора года. Она до сих пор считает месяцами, как будто внутри у неё идёт отдельный календарь, который никто не удосужился остановить.

На кухне остывает чай. Она заварила его утром, потом забыла, потом вспомнила, потом снова забыла. Кружка стоит на столе, рядом лежит ложка, которой она не размешала сахар. Сахар до сих пор горкой на дне. Она видит это краем глаза каждый раз, когда проходит мимо, и каждый раз думает, что надо бы вылить, но не выливает. Есть вещи, которые

легче оставить как есть.

В коридоре на полке стоят книги Артёма. Три года назад он купил их на распродаже в подвале на Лиговском, притащил домой две сумки, сказал, что это его личная библиотека, что теперь он будет читать по вечерам, что хватит тупить в телефон. Он не прочитал ни одну. Книги так и стоят корешками наружу, ровно, как он их поставил. Вероника не переставляла. Не потому что не могла. Просто не видела смысла. Если сдвинуть одну, придётся сдвинуть всё.

Она отходит от окна. Пол холодный, она босиком, но ей нормально. В квартире тихо, только где-то в трубах гудит вода, да сосед сверху иногда роняет что-то тяжёлое, и тогда люстра в зале вздрагивает. Вероника садится на диван, поджимает ноги, берёт телефон. Ничего. Два сообщения от коллеги из филармонии, одно от матери, реклама доставки. Она не отвечает. Кладёт телефон экраном вниз. Смотрит на стену.

На стене висит фотография. Они с Артёмом на море, год до смерти. Он обнимает её за плечи, она смеётся, ветер расчёпал волосы, солнце бьёт в объектив так, что часть кадра засвечена. Она не помнит, кто их снимал. Не помнит, какой это был город. Помнит только, что вода была холодная, а Артём всё равно затащил её в море, и она кричала, и он смеялся, и потом они ели что-то жирное и дешёвое на набережной, и он украл у неё одну креветку, и она делала вид, что злится.

Она отворачивается от фотографии. Встаёт. Идёт на кух-

ню. Берёт кружку. Смотрит на чай. Чай давно стал цвета мокрого картона, поверху плавает плёнка. Она выливает его в раковину, споласкивает кружку, ставит на сушилку. Это маленькая победа. Она не знает, зачем ей эта победа, но она есть.

Звонок в дверь.

Вероника замирает. У них в подъезде не звонят без предупреждения. Соседи здороваются на лестнице, но в двери не стучат. Курьеры звонят, но она ничего не заказывала. Она смотрит на дверь, как будто та может ответить. Звонок повторяется, короче, настойчивее.

Она идёт по коридору. Не включает свет. Смотрит в глазок.

Мужчина. Чёрное пальто. Волосы мокрые, прилипли ко лбу. Стоит ровно, не переминается, не заглядывает в телефон. Лицо знакомое. Она видела его раньше, но не может сразу вспомнить где. Потом вспоминает. Похороны. Ноябрь, два года назад. Он стоял у ограды, ни с кем не разговаривал, курил, смотрел в землю. Мать Артёма тогда сказала: «Это Дима, старший». И больше ничего. Дима. Старший брат. Тот, о котором Артём говорил редко, всегда с паузой, всегда как будто нехотя.

Вероника отпирает.

Она не знает почему. Может, потому что устала сидеть в тишине. Может, потому что в этом пальто, в этих мокрых волосах есть что-то, что не вяжется с пустой квартирой и

остывшим чаем.

Дверь открывается. Он смотрит на неё сверху вниз, спокойно, без улыбки. Вблизи он старше, чем на похоронах. Или она просто не разглядела тогда. У него тяжёлая челюсть, тёмные глаза, шрам на брови, старый, белый. Пальто расстёгнуто, под ним свитер, серый, вязка крупная. Руки в карманах.

Она молчит. Он тоже.

Потом он говорит:

Здравствуй, Вероника.

Голос низкий, ровный, без лишних нот. Она слышала его всего пару раз, на похоронах и на поминках, и тогда он говорил ещё тише.

Здравствуйте, отвечает она.

Пауза. Он вынимает одну руку из кармана, в ней папка, обычная, картонная, с завязками.

Я по документам. По квартире Артёма. Там осталось кое-что, надо оформить. Я не хотел по телефону.

Она смотрит на папку. Потом на него. Потом на его мокрые волосы.

Вы промокли. Заходите.

Он заходит. Снимает ботинки, аккуратно, не глядя, ставит их рядом с её кроссовками. Пальто вешает на крючок, на тот, где раньше висело пальто Артёма. Вероника замечает это, но ничего не говорит. В коридоре становится тесно. Он выше её на голову, плечи шире дверного проёма, кажется, и в квартире сразу меньше воздуха.

Он проходит в комнату. Не ждёт приглашения. Идёт медленно, смотрит по сторонам, но не как гость, а как человек, который проверяет, всё ли на месте. Останавливается у полки с книгами. Проводит пальцем по корешкам. Не берёт. Просто проводит.

Артём так и не прочитал их, говорит Вероника из коридора.

Знаю, говорит Дима. Он всегда покупал книги, чтобы они стояли.

Она не ожидала, что он это знает. Он поворачивается к фотографии на стене. Смотрит долго. Дольше, чем нужно. Вероника стоит в дверях, скрестив руки, и наблюдает за ним. Ей неловко, но она не понимает почему. Как будто он видит в этой квартире то, чего не видит она.

Он отходит от стены. Замечает её ноги. Босые, на холодном полу, пальцы поджаты.

У тебя пол холодный, говорит он.

Она пожимает плечами.

Нормально.

Надень носки.

Это звучит не как просьба. Она смотрит на него, прищурившись.

Вы мне не отец.

Он не отвечает. Просто стоит и смотрит. Спокойно, без раздражения. И в этом спокойствии есть что-то, от чего ей хочется сделать наоборот, но она не делает. Она идёт в спаль-

ню, достаёт носки из ящика, садится на кровать, натягивает их. Шерстяные, серые, растянутые. Она не помнит, откуда они. Может, Артёма. Может, её.

Когда она возвращается, Дима уже сидит на кухне. За столом. Папка перед ним, завязки развязаны. Он не открывает её. Ждёт её.

Она садится напротив. Между ними стол, на столе ничего, кроме солонки и вчерашней газеты, которую она не читала.

Что там? спрашивает она.

Бумаги. Доверенность, заявление, ещё пара мелочей. Квартира на тебе, но есть нюансы. Он был должен. Не мне.

Она смотрит на него.

Кому?

Какая разница. Я закрыл.

Он говорит это так, будто закрыл кран. Буднично. Она откидывается на спинку стула.

Когда?

Полтора года назад. Сразу после.

Она молчит. Смотрит в стол. Солонка стоит криво, она её выравнивает, потом снова криво, потом оставляет.

Вы были на похоронах, говорит она.

Был.

Вы не подошли.

Не хотел мешать.

Мешать чему?

Он не отвечает. Смотрит на неё. Взгляд тяжёлый, не от-

водит. Она первая отводит глаза. Встаёт, идёт к чайнику, наливает воду, ставит. Руки делают привычное, а внутри что-то сдвинулось, как будто кто-то толкнул мебель в темноте.

Он остаётся на месте. Не помогает. Не мешает. Просто есть.

Вы чай будете? спрашивает она.

Буду.

Она достаёт вторую кружку. Ту, которую не доставала полтора года. Синяя, с трещиной на ручке. Кружка Артёма. Она ставит её перед Димой. Он смотрит на кружку. Потом на неё. Ничего не говорит. Берёт.

Она заливает кипяток. Садится обратно. Они пьют молча. Чай горячий, она обжигает язык, но не показывает. Он держит кружку двумя руками, как будто ему холодно.

Почему вы приехали? спрашивает она.

Сказал же. Документы.

Документы можно было по почте.

Можно.

Он ставит кружку. Смотрит на неё. И в этом взгляде нет ничего, что можно было бы назвать объяснением. Просто смотрит.

Я хотел посмотреть, как ты, говорит он.

Она не ожидала. Ставит кружку. Смотрит в стол.

Как я, говорит она. Живу.

Вижу.

Он не улыбается. Не смягчает. Не делает вид, что это свет-

ская беседа. Она не знает, что с этим делать. Ей хочется встать и уйти в спальню, закрыть дверь, но она не встаёт. Остаётся.

Артём говорил о вас, говорит она.

Что говорил?

Мало. Что вы старший. Что вы уехали. Что вы не общаетесь.

Всё правда.

Почему?

Он молчит. Долго. Кружка в его руках остывает, он не пьёт. Потом говорит:

У нас был отец. Он был не очень хороший человек. Я уехал первым. Артём остался. Потом уехал он. Мы не то чтобы ссорились. Просто не было смысла.

Она кивает. Не потому что понимает. Потому что не знает, что сказать.

Он смотрит на часы. Встаёт. Застёгивает пальто. Берёт папку.

Я оставлю это. Посмотри. Если что-то не понятно, позвони.

Он кладёт на стол визитку. Чёрная, с одной строчкой. Имя и номер.

Она берёт. Вертит в руках. Смотрит на него.

Вы уходите.

Да.

Он идёт в коридор. Обувается. Она стоит в дверях кухни.

Он открывает дверь. Останавливается. Не оборачивается.

Носки не снимай, говорит он. Пол холодный.

И выходит. Дверь закрывается. Замок щёлкает. Вероника стоит. Смотрит на закрытую дверь. Потом на визитку в руке. Потом на кружку на столе. Синяя, с трещиной. Он пил из неё. Она не знает, почему это важно. Но это важно.

Она идёт в комнату. Садится на диван. Поджигает ноги. Носки греют. Она смотрит на фотографию. Артём смеётся. Ветер. Море. Она отворачивается.

В квартире снова тихо. Только трубы гудят. Только сосед сверху роняет что-то. Люстра вздрагивает.

Вероника закрывает глаза. И первый раз за полтора года чувствует, что в этой тишине есть что-то ещё. Не пустота. Что-то другое. Она не знает, что. Но оно есть.

Она открывает глаза. Смотрит на визитку. Кладёт её на стол. Рядом с солонкой.

Чай остыл. Она не допила. Но кружку не выливает. Просто оставляет. Как книги. Как фотографию. Как всё остальное.

За окном идёт снег. Серый. Мокрый. Машины стоят в пробке. Кто-то на четвёртом этаже до сих пор не снял жёлтую лампу.

Вероника сидит на диване и не двигается. Ей не холодно. Носки греют. Это маленькая победа. Она не знает, зачем ей эта победа. Но она есть.

Чужие ключи

Он приехал через четыре дня. Вероника не ждала его, не считала дни, не проверяла телефон каждые полчаса. Просто в четверг, когда она вернулась из филармонии с репетиции, у подъезда стояла чёрная машина, длинная, с тонированными стёклами, и Дима сидел на капоте, в том же пальто, только на этот раз без мокрых волос. Снег закончился ещё ночью, дворники с утра чистили улицы, но во дворе всё равно было грязно, серо, и он стоял в этой грязи так, будто она его не касалась.

Вероника остановилась за двадцать шагов. Она могла бы пройти мимо, сделать вид, что не заметила, свернуть к другому подъезду, но у неё в руках была сумка со скрипкой, тяжёлая, и она устала, и вообще ей было не до игр. Она пошла прямо.

Он не двинулся. Смотрел, как она подходит. Когда она остановилась рядом, он выпрямился.

Ты рано, сказал он.

Не рано. Пять часов.

Я думал, репетиции дольше.

Она посмотрела на него. Не ответила. Пошла к двери. Он пошёл за ней. Она не обернулась, не сказала уходи, не сказала оставайся. Просто открыла подъезд, поднялась по лестнице, вошла в квартиру, оставила дверь открытой. Он вошёл

следом. Закрыл.

Она сняла куртку, поставила скрипку на полку в коридоре, прошла на кухню. Кружка Артёма всё ещё стояла на сушилке, там, где она её оставила. Визитка лежала на столе, рядом с солонкой. Она не убрала её. Не знала, зачем оставила, но оставила.

Дима сел на тот же стул, что и в прошлый раз. Не спрашивал разрешения. Просто сел. Вероника налила себе воды. Не предложила ему. Села напротив.

Зачем вы приехали.

Дело есть.

В прошлый раз тоже было дело.

И в этот раз дело.

Он вынул из кармана ключи. Обычная связка, три ключа, один брелок, металлический, стёртый. Положил на стол. Не толкнул, не подвинул к ней, просто положил, посередине, так, чтобы они оба видели.

Квартира Артёма, сказал он. На Литейном. Ты не можешь её продать, потому что там висит обременение. Я закрыл долг, но бумаги не дошли. Нужно переоформить, иначе она так и будет висеть.

Вероника посмотрела на ключи. Не взяла. Отпила воды.

Я не просила помогать.

Не просила.

Тогда зачем.

Он молчал. Смотрел на ключи. Потом на неё.

Потому что это не помощь. Это долг. Мой. Перед братом. Она поставила стакан. Резко, чуть громче, чем собиралась.

Перед братом. Он умер полтора года назад. Вы появились четыре дня назад. Какой долг.

Он не ответил сразу. Откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. Вероника заметила, что у него костяшки на правой руке сбиты, старые, зажившие, но заметные. Она не спросила.

Я не мог приехать раньше, сказал он. Не в том смысле, что не хотел. Не мог.

Почему.

Он снова молчал. Долго. Вероника смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то злое, непонятное, как будто её обманывают, а она не может поймать за руку.

Вы всё время молчите, сказала она. Приходите, садитесь, кладёте ключи, молчите. Что вам нужно.

Ничего.

Ничего не бывает.

Бывает.

Она встала. Взяла стакан, вылила воду в раковину, поставила в сушилку. Стояла спиной к нему. Слышала, как он дышит. Ровно, спокойно.

Ключи я оставлю, сказал он.

Она обернулась.

Не надо.

Надо.

Я не поеду туда.

Поедешь. Не сегодня. Потом. Просто возьми.

Он встал. Поправил пальто, которое не снимал, потому что не раздевался. Вероника смотрела на него и вдруг поняла, что он не собирался оставаться. Ни разу. Ни в прошлый раз, ни в этот. Он приходил, говорил, уходил. Как врач. Как человек, который делает работу.

Дима пошёл в коридор. Она за ним. Он обулся, открыл дверь. Остановился на пороге, не оборачиваясь.

Если станет совсем плохо, позвони. Не по делу. Просто позвони.

Он вышел. Дверь закрылась. Вероника стояла в коридоре и смотрела на закрытую дверь. Потом вернулась на кухню.

Ключи лежали на столе.

Она села. Посмотрела на них. Три ключа, брелок, стёртый металл. Она никогда их не видела. Артём не давал ей ключи от той квартиры. Он говорил, что там живёт его знакомый, что это не его, что он просто помогает. Она верила. Или делала вид, что верит. Она уже не помнила.

Вероника протянула руку. Не взяла. Просто коснулась. Металл холодный. Она отдернула руку.

Весь вечер она ходила вокруг них. Делала чай, не пила. Открывала ноутбук, не работала. Садилась на диван, вставала, шла на кухню, смотрела на ключи, шла обратно. В десять

позвонила мать. Вероника не взяла. В одиннадцать позвонила коллега из филармонии, уточнить расписание на завтра. Вероника взяла, поговорила две минуты, положила трубку, не запомнив, что ей сказали.

В полночь она надела куртку. Джинсы, кроссовки, шапку. Взяла ключи. Вышла.

На улице было пусто. Метро уже закрылось, автобусы ходили редко, она не стала ждать. Поймала такси. Назвала адрес. Водитель, немолодой мужчина в вязаной шапке, посмотрел на неё в зеркало, но ничего не спросил. Ехали двадцать минут. Город был мокрый, чёрный, редкие машины, редкие фонари. Вероника смотрела в окно и не думала ни о чём. Или думала, но так, что мысли не складывались в слова.

Такси остановилось у старого дома. Литейный, дом с лепниной на фасаде, с облупившейся краской, с домофоном, который не работал. Вероника вышла. Расплатилась картой. Постояла на тротуаре. Дом смотрел на неё тёмными окнами. Только на третьем этаже горел свет, но это была другая квартира.

Она вошла в подъезд. Пахло сыростью и кошками. Лестница скрипела. Она поднялась на четвёртый этаж. Долго стояла перед дверью. Держала ключи в руке. Потом вставила первый. Не подошёл. Второй. Не подошёл. Третий повернулся.

Дверь открылась.
Вероника вошла.

В квартире было темно. Она нащупала выключатель, повернула. Свет загорелся, тусклый, жёлтый, лампочка мигала, как будто ей было трудно. Вероника закрыла дверь. Осталась стоять в прихожей.

Всё было нетронуто.

Ботинки Артёма стояли у стены, ровно, как он их ставил. Куртка висела на крючке, серая, с потёртыми рукавами. На полке лежали ключи от машины, которой больше не было. Зонт, чёрный, сломанный, с одной спицей наружу. Она смотрела на эти вещи и не могла двинуться.

Потом пошла в комнату.

Стол. На столе чашка, недопитая, с высохшим кофе на дне. Пепельница, хотя Артём не курил. Книга открыта, страницей вниз, как будто он вышел на минуту и собирался вернуться. Стул отодвинут. На спинке стула рубашка. Белая, мятая, та, в которой он был в последний день. Вероника не знала, откуда она это знает, но знала.

Она подошла. Взяла рубашку. Поднесла к лицу.

Запах был. Слабый, почти стёртый, но был. Табак, стиральный порошок, что-то ещё, его, личное, то, что она узнала бы из тысячи. Она опустила рубашку. Села на пол. Прямо там, у стула, на холодный линолеум. Прижала рубашку к груди. И не смогла встать.

Она не плакала. Просто сидела. Смотрела на стол, на чашку, на книгу. В голове было пусто и гулко, как в пустой комнате. Она думала, что надо встать, надо уйти, надо вызвать

такси, но тело не слушалось. Ноги были как чужие. Руки держали рубашку и не отпускали.

Сколько она так просидела, она не знала. Может, час. Может, два. За окном было темно и тихо. В какой-то момент зазвонил телефон. Она вздрогнула. Вынула из кармана. На экране: Дима. Она смотрела на имя, пока экран не погас. Потом положила телефон рядом на пол. Он зазвонил снова. Она не взяла. Потом ещё раз. Она выключила звук.

Прошло ещё сколько-то времени. Потом в подъезде хлопнула дверь. Шаги на лестнице. Тяжёлые, быстрые, через две ступеньки. Вероника подняла голову. Шаги приближались. Остановились у двери. Дверь открылась. Она не заперла.

Дима вошёл. Увидел её на полу. Остановился. Постоял в дверях. Потом подошёл. Не быстро. Не медленно. Сел на корточки рядом.

Вероника. Вставай.

Она посмотрела на него. Губы не слушались.

Я не могу, сказала она. Или подумала, что сказала. Он услышал.

Можешь.

Он протянул руку. Она не взяла. Тогда он взял её сам. Поднял. Она встала, но ноги подкосились, и он поймал её. Придержал за плечи. Рубашка осталась у неё в руках. Он посмотрел на рубашку. Ничего не сказал.

Она уткнулась лицом ему в пальто. Не заплакала, просто стояла. Он не обнял её сразу. Постоял секунду. Потом поло-

жил одну руку ей на голову. Другую на спину. Не гладил, не утешал. Просто держал.

Она вцепилась в его пальто. Пальцами, до боли. И тогда заплакала. Тихо, без всхлипов, просто слёзы пошли, и она не могла их остановить. Он не говорил ничего. Не шептал, не успокаивал. Стоял и держал. Она слышала, как бьётся его сердце. Ровно, медленно. Как будто ничего не происходило. И от этого ей стало легче. Потому что если бы он начал её жалеть, она бы не выдержала.

Они стояли так долго. Потом он сказал:

Поехали.

Она не спросила куда. Не сказала нет. Просто отпустила его пальто. Он вынул рубашку у неё из рук. Аккуратно, не вырывая. Положил обратно на стул. Взял её за руку. Повёл из квартиры.

Она шла за ним. Не смотрела по сторонам. Он закрыл дверь. Запер. Положил ключи в карман, не отдал ей. Спустились по лестнице. Вышли на улицу. Он открыл дверь машины, посадил её на переднее сиденье. Пристегнул. Сам сел за руль. Завёл. Печка загудела. Он включил подогрев сиденья. Она почувствовала, как тепло идёт снизу, через джинсы, в спину.

Он не спросил, как она тут оказалась. Не спросил, почему не взяла телефон. Не спросил, зачем вообще поехала. Он просто ехал. Молча. Вероника смотрела в окно. Мимо шли чёрные дома, чёрные деревья, редкие жёлтые окна. Она не

понимала, куда они едут, и ей было всё равно.

Машина выехала из центра. Дома стали ниже, потом пошли пустыри, потом подъём. Дорога вильнула, и они оказались на холме. Вероника увидела впереди дом. Большой, тёмный, с высокими окнами. Он остановил машину у ворот. Вышел. Открыл ворота. Вернулся, заехал во двор. Заглушил.

Она не двинулась. Сидела и смотрела на дом. Он обошёл машину, открыл её дверь, отстегнул ремень. Взял её за руку. Она вышла. Ноги были ватные, но держали. Он повёл её к дому. Открыл дверь ключом. Внутри было темно. Он включил свет. Прихожая, серая, пустая, ни одной картины, ни одного крючка, только вешалка и зеркало.

Он снял с неё куртку. Шапку. Кроссовки. Всё молча. Повесил куртку на вешалку. Поставил кроссовки. Она стояла босиком на холодном полу. Он посмотрел на её ноги.

Пойдём.

Он повёл её по лестнице на второй этаж. Коридор, дверь. Комната. Кровать большая, серая, застелена. Окно во всю стену, за ним темнота, холм, огни города вдаль. Он подвёл её к кровати. Она села. Он присел рядом.

Спи. Я рядом.

Она легла. Не раздеваясь. Просто легла на покрывало. Голова коснулась подушки, и её сразу начало утягивать, как будто всё это время она держалась на силе воли, а теперь сила кончилась. Она видела, как он встал. Как снял пальто. Как сел в кресло у окна. Как открыл ноутбук. Экран осветил

его лицо, и она увидела, что он устал. Сильно устал. Тени под глазами, морщины у рта. Она никогда не замечала этого раньше. Она смотрела на него и засыпала. И последнее, что она помнила, это как он поднял голову и посмотрел на неё. Долго. А потом она провалилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.